

The book cover features a dark, atmospheric illustration. The sky is filled with numerous glowing, circular patterns that resemble galaxies or nebulae, creating a sense of depth and wonder. In the lower portion of the image, a lone figure stands on a dark, rocky shore, looking out over a vast, dark sea towards a distant, glowing horizon. The overall mood is mysterious and contemplative.

**КНИГА
ОГМЫ**

НИКИТА ЧЕРЕПАНОВ

Никита Черепанов

Книга "ОГМЫ"

<https://litres.ru/73990729>

SelfPub; 2026

Аннотация

Тетрадь была найдена в университетской библиотеке Кембриджа в ноябре 1938 года. На полке отдела ограниченного доступа. На месте книги, которую никто не возвращал.

Генри Локвуд, астроном без кафедры и без имени в науке, пропал тремя неделями ранее. Поиски результатов не дали.

Записи публикуются без изменений.

Никита Черепанов

Книга "Огмы"

Книга Огмы

Из записей Генри Локвуда

Данная тетрадь была обнаружена сотрудником университетской библиотеки Кембриджа 4 ноября 1938 года.

Она находилась на полке отдела ограниченного доступа — на том месте, где прежде хранился кельтский астрономический трактат XVI века, выданный и не возвращённый.

Генри Локвуд, сотрудник кафедры астрономии, был внесён в список пропавших без вести 21 октября 1938 года. Поиски результатов не дали.

Трактат также не был найден.

I

17 октября 1938 года.

Я пишу это не для публикации.

Эта мысль почему-то приносит мне больше покоя, чем следовало бы. Почти вся моя взрослая жизнь была испорчена желанием быть напечатанным, признанным, процитированным хотя бы в сноске человеком, который не морщится при звуке моего имени. Теперь, когда я вывожу эти строки в старой тетради, купленной за шесть пенсов у лавочника на

Тринити-стрит, мне кажется, что впервые за много лет я пишу без просьбы о милости.

Вчера доктор Хейз вернул мне рукопись.

Вернул, разумеется, не сам. Пакет лежал у меня на столе, перевязанный серой лентой. На первой странице красным карандашом стояло: «Не имеет наблюдательной основы».

Я перечитал эти четыре слова несколько раз.

Они были написаны твёрдо, почти с удовольствием.

Не имеет наблюдательной основы.

Так говорят люди, которые смотрели в телескоп достаточно долго, чтобы перестать видеть небо.

Я не стану утверждать, что мои работы были безупречны. Я торопился там, где следовало ждать новых вычислений, и позволял себе предположения, которые осторожный учёный спрятал бы в ящик до лучших времён. Но я никогда не выдумывал ради красоты. Я писал о том, что казалось мне математически возможным: о пространствах, где расстояние не обязано быть покорным прямой линии; о формах неба, в которых свет может иметь не точку происхождения, а область присутствия; о мирах, где наблюдатель не просто смотрит на явление, но входит в условие его существования.

За это меня называли мистиком.

Это особенно оскорбительно, когда всю жизнь ты пытался быть только астрономом.

Кембридж в тот вечер был сырой и тёмный. Дождь висел

в воздухе мелкой ледяной пылью. Камень колледжей впитывал влагу, окна горели жёлтым больным светом, а портфель с возвращённой рукописью бился о бедро, будто напоминал о себе при каждом шаге.

Я шёл в библиотеку без зонта.

На улице говорили о войне. Газеты лежали у киосков плотными серыми стопками: Германия, Мюнхен, обещания, страх. Люди покупали их, складывали под мышку и шли дальше, будто бумага могла объяснить им будущее.

Меня же в тот вечер интересовало прошлое.

В отдел ограниченного доступа университетской библиотеки я попал около семи. Дежурный старик вписал моё имя в журнал, не задав ни одного вопроса. Он знал меня. В таких местах человека начинают узнавать не потому, что уважают, а потому, что он слишком часто приходит туда, куда обычные люди не возвращаются без надобности.

Я заказал трактат по кельтской астрономии, датированный, если верить каталогу, концом XVI века. Мне нужны были упоминания о древних представлениях северных народов относительно небесной сферы: небо как свод, небо как ткань, небо как живая кожа мира. Иногда в грубой мифологической форме сохраняется наблюдение, которое позднейшие умы слишком поспешно объявляют суеверием.

Книгу принесли через двадцать минут.

Она была тяжёлая, в потрескавшемся кожаном переплёте, с застёжками, давно утратившими замки. Когда я открыл её,

поднялся запах плесени, пыли, старого клея и чего-то ещё — слабого, горького, напоминающего высушенные травы, которые моя мать когда-то держала в полотняных мешочках среди белья.

Текст был скучен.

Именно поэтому я поверил ему.

Автор перечислял звёздные названия, связывал их с праздниками, приводил сомнительные соответствия между созвездиями и кельтскими божествами. Я делал пометки, пока не дошёл до сто семьдесят второй страницы.

На нижнем поле была чужая запись.

Почерк отличался от основного текста. Поздний. Неровный. Чернила выцвели, но не исчезли. Кто-то написал эту фразу так, будто рука его дрожала не от старости, а от спешки.

«Не открывать Книгу Огмы под небом, ибо небо — первая ложь».

Я помню, что тогда усмехнулся.

Не от веселья. От усталости.

Фраза была слишком хороша для учёного примечания и слишком странна для монашеской пометки. В ней было что-то от предупреждения, оставленного не для всех, а для одного человека, который когда-нибудь поймёт его слишком поздно.

Я поискал ссылку. Ничего.

Имя Огмы я знал смутно. Ирландская традиция, один из

Туата Де Дананн, связанный со словом, письмом, знанием. Бог красноречия, если следовать поздним пересказам. Но это объясняло слишком мало. «Книга Огмы» не числилась ни в одном известном мне каталоге.

Я попросил библиотечный каталог.

В нём её не было.

Попросил старый рукописный каталог.

Не было и там.

Разумный человек на этом остановился бы.

Я же был человеком уставшим, униженным и потому особенно восприимчивым к вещам, обещающим смысл.

Я вернулся к полкам сам, хотя делать этого не полагалось.

В отделе ограниченного доступа стояла такая тишина, какую можно услышать только среди книг, переживших слишком много владельцев. Не мёртвая тишина. Скорее внимательная.

Я заметил книгу случайно.

Она стояла за рядом латинских фолиантов, так глубоко, что её корешок почти сливался с тенью. Узкая, тёмная, без названия. Пыль вокруг неё лежала неправильно: на соседних книгах толстым серым слоем, а на ней — едва заметной дымкой, будто её недавно брали в руки, но не оставили следов пальцев.

Я достал её.

Она оказалась легче, чем должна была быть.

Книга такого размера, в кожаном переплёте, с плотными

страницами, обязана иметь вес. Она же лежала на ладони почти невесомо, как коробка, внутри которой ничего нет. Обложка была холодная, но знак на ней — круг, пересечённый тремя короткими линиями, — сохранял слабое тепло.

Я провёл пальцем по этому знаку.

Мне показалось, что под кожей обложки что-то едва заметно дрогнуло.

Разумеется, я открыл книгу.

Я не произносил заклинаний. Не читал вслух. Не совершал обряда. Не верил ни в какую силу, кроме силы наблюдения.

Я просто открыл книгу.

Этого оказалось достаточно.

II

Я не помню самого перехода.

Не было вспышки, грома или театрального разрыва мира, каким любят украшать дешёвые мистические книжки. Мне кажется, именно это и было самым страшным. Мир не раскололся. Не закричал. Не предупредил. Он просто перестал быть прежним.

Сначала исчезла библиотека.

Я ещё видел край стола, тёмный переплёт старого трактата, свой мокрый рукав и зелёный абажур лампы. Потом эти вещи стали плоскими, как рисунок на тонкой бумаге. Стол, полки, стены, воздух между ними — всё отступило не назад,

а внутрь себя. Я попытался вдохнуть, но воздух на мгновение сделался плотным и холодным, словно кто-то прижал к моему лицу мокрую ткань.

Потом я упал.

Не вниз.

Я не знаю, как можно падать не вниз, но другого слова у меня нет. Тело потеряло согласие с пространством. Верх и низ перемешались. Перед глазами мелькнули белые линии, похожие на следы звёзд при долгой выдержке, только эти линии не принадлежали небу. Они проходили сквозь меня.

Я хотел закричать.

Не смог.

Грудь словно наполнили ледяной водой.

Потом был удар.

Я очнулся оттого, что земля была у меня во рту.

Не образно. Не в каком-либо возвышенном смысле. Я лежал лицом вниз в сырой грязи, и между зубами хрустело что-то мелкое, похожее на песок, смешанный с истолчённой костью. Нос был забит тяжёлым запахом холодной почвы. Но это была не английская земля после дождя, не садовая глина, не болотная тина и не трава у реки. В этом запахе не было привычной жизни. Только сырость, камень и слабый металлический привкус, будто кто-то растёр медную монету в мокрой пыли.

Я попытался вдохнуть и закашлялся.

Потом вдохнул ещё раз.

Воздух вошёл в лёгкие свободно.

И это не успокоило меня. Если бы я задыхался, тело сразу поняло бы опасность. Но воздух был пригоден. Он позволял мне жить. Позволял подняться. Позволял увидеть, куда я попал.

И это было хуже.

Несколько секунд я лежал неподвижно. Слышал собственное дыхание — рваное, постыдно громкое, почти звериное. Сердце било в рёбра так сильно, будто хотело выбраться из меня раньше, чем я успею понять происходящее. Пальцы сами сжимали влажную землю. Ногти скребли по чему-то твёрдому.

Я решил, что это камень.

Повернул голову.

Это была кость.

Длинная, серая, гладкая от сырости. Не целый скелет, не череп, не что-то, что сразу можно было бы назвать человеческим. Просто кость. Но она лежала слишком близко к моей ладони, и от этого весь мир сузился до неё одной.

Я отдернул руку так резко, что больно ударился локтем.

Тогда уже поднялся. Не встал — нет. Сначала встал на колени, потом на четвереньки, потом снова едва не упал, потому что земля подо мной была мягкой и упругой, будто не совсем земля. Меня вырвало. Пусто, болезненно. В горле осталась горечь. Я зажмурился, упёрся ладонями в почву и несколько раз повторил про себя, что должен проснуться.

Я не проснулся.

Когда я всё-таки поднял голову, передо мной был не Кембридж.

Не библиотека.

Не Англия.

Надо мной не было неба.

Я знаю, как нелепо это звучит от человека, который всю жизнь смотрел вверх. Но именно поэтому пишу это с полной уверенностью: то, что простиралось надо мной, не было небом в земном смысле. Не было облаков, солнца, звёзд. Высоко — очень высоко, если высота вообще имела здесь прежнее значение, — лежала бледная светящаяся глубина, похожая на мутное стекло, за которым спрятали день. Свет не падал откуда-то. Он не имел источника. Он был всюду сразу, отчего камни, почва и растения вокруг казались не освещёнными, а вынутыми из темноты.

Передо мной тянулась равнина.

Тёмная земля уходила волнами между длинными каменными грядами. Гряды торчали из почвы неровными рядами, как рёбра исполинского тела, похороненного неглубоко и плохо. Между ними росли низкие стебли, похожие на траву только издали.

Когда моя тень упала на них, они втянулись в землю.

Все сразу.

Я отшатнулся, рухнул на бок и больно ударился плечом. Несколько секунд я только смотрел на место, где они исчез-

ли. Почва была гладкой. Ни отверстий, ни корней, ни движения.

Потом, в нескольких шагах дальше, из земли медленно поднялись другие стебли.

Я пополз назад.

Не побежал. Не бросился. Не повёл себя мужественно. Я пополз, как животное, цепляясь пальцами за грязь, пока не ударился спиной о камень. Лишь тогда заставил себя замереть.

Справа, у небольшого склона, лежал башмак.

Я заметил его не сразу. Сначала увидел тёмное пятно, потом форму, потом шнурок. Мужской кожаный башмак. Старый, почерневший от влаги. Шнурок был завязан.

Я смотрел на него дольше, чем на кость.

Кость могла принадлежать зверю. Или существу, для которого у меня ещё не было слова. Но башмак был сделан человеческой рукой. Его кто-то носил. Кто-то завязывал этот шнурок пальцами, возможно торопясь, возможно сидя у огня или на краю кровати, как это делают люди перед дорогой. Кто-то шёл здесь до меня.

И не ушёл.

Я начал искать книгу глазами, ещё до того как понял, что ищу именно её.

Она лежала в двух шагах от меня.

Сухая.

Чистая.

Тёмная обложка не была испачкана грязью, хотя земля вокруг блестела от влаги. Знак на коже казался глубже, чем раньше. Круг и три линии. Я не хотел к ней прикасаться. Но без неё я оставался в этом месте один — без связи, без объяснения, без последней вещи, которая ещё принадлежала прежнему миру.

Я взял её.

Обложка была тёплой.

Не нагретой светом — здесь не было солнца. Не тёплой от моей руки. Она была тёплой сама по себе, как кожа живого существа под тонкой тканью.

Я выронил её.

Книга упала раскрытой.

На пустой странице уже было написано одно слово.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.